

АННА ЩЕТИНИНА

ОТ ДОРОДНЫЙ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ К ДОРОДНАЯ ТЕТКА: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЯ

COBISS: 1.01

Od dorodnyj dobryj molodec do dorodnaja tetka: sociokulturno preoblikovanje pomena v ruščini

Avtorica obravnava vprašanje slovarskega opisa jezikovnih enot s stališča celostne obravnave. Primer parametričnega pridevnika *dorodnyj* 'debel, močan', ki označuje postavbo človeka, kaže, kako se predstava telesne lastnosti razlikuje v različnih časih in v različnih diskurzih – v slovarjih ruskega jezika od 11. do 21. stoletja ter v pesniških, proznih, časopisnih in narečnih sobesedilih.

Ključne besede: slovaropisje, socialno besedje, socialni semi, izjava, predpostavka

From dorodnyy dobryy molodets to dorodnaya tetka:

The Socio-Cultural Transformation of Meaning in Russian

This article considers the lexicographical description of language units from the positions of the integral approach. Based on the parametric adjective *dorodnyy* 'burly', which characterizes the figure of a man, it shows how the perception of corporal quality differs in various historical periods and discourses: in Russian dictionaries from the eleventh to the twenty-first centuries, and in poetry, prose, newspapers, and dialects.

Keywords: lexicography, social lexis, social semes, assertion, presupposition

0 ВВЕДЕНИЕ

Лексикографирование языковых фактов имеет давнюю традицию, выработаны основные подходы и принципы фиксирования языковых единиц, что, однако, не отрицает необходимости нахождения новых подходов к описанию языковых явлений. Так, «общепризнанное молчаливое согласие лингвистов в том, что значения языковых единиц состоят из семантических компонентов – сем, не находит последовательного воплощения в практике подготовки лексикографических изданий, прежде всего – толковых и толково-переводных словарей» (Маклакова 2013: 4). Как известно, изучение языковых номинаций в прагматическом аспекте выявляет новые семы и коннотации, не включенные в лексикографическое описание, поэтому требует интегрального подхода к описанию значения слова. Г. Н. Склярёвская в связи с этим говорит, что слово не является ограниченным набором сем,

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

а представляется «как бесконечно сложная и избыточная структура, включающая в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове – весь запас лингвистических и экстралингвистических сведений, всех добавочных смыслов, называемых коннотациями» (Скляревская 2001: 182). Более того, лингвисты признают, что существуют категории слов, структура значения которых отличается концентрацией значимых семантических компонентов в той зоне, которую принято считать периферией (Крысин 1988), то есть в зоне коннотаций. Такова, например, социальная лексика (Леонтьева 2016).

В данной статье предпринято описание семантики прилагательного *дородный*, ее отражения в лексикографических источниках, а также употребления в речи в разные периоды бытования и в разных сферах использования языка с позиции интегративного подхода к описанию семантики слова, который включает «в понятие значения все семантические признаки, выявляющиеся в слове – как структурно релевантные, так и структурно избыточные, но коммуникативно релевантные» (Стернин 1985: 11). Не останавливаясь на освещении типологии сем, отметим, что в данной работе мы используем в процессе анализа уже принятые в семасиологии и используемые, в том числе при семантическом анализе синтаксических структур (Апресян 1988; Крысин 1988; Логический ... 2009; Падучева 2013 и др.), понятия ассерция и пресуппозиция и релевантные им термины ассертивная сема / пресуппозиционная сема, ассертивная часть значения / пресуппозиционная часть значения и т. п.

Цель работы – проследить, какие семы в разных лексикографических источниках включаются в ассертивную и пресуппозиционную части значения, как они актуализируются в литературно-художественном, диалектном и газетном дискурсах, какие дополнительные коннотации, в том числе социальная, появляются в контекстах и могут ли они интегрироваться в значение слова, закрепленное в лексикографическом источнике.

1 ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ДОРОДНЫЙ* В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Анализ прилагательного *дородный* и его производных в диахроническом аспекте показывает, что слово имело довольно большое количество лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) и служило не только для объективной характеристики внешности человека, но и для указания на его морально-нравственные качества в ассертивной (ядерной) части значения и имело дополнительную социальную оценочность как в ассертивной, так в пресуппозиционной (периферийной) частях. В «Этимологическом словаре славянских языков» указывается, что прилагательное образовано с суф. *-ьнь* и приставкой *do-* от *rod* и *roditi* (ЭССЯ 1978: 79); к данному гнезду относят польск. *dorodny* ‘здоровый, красивый, видный; зрелый’, др.-русс.

дородньи (*Государь наш дородной государь, и разумной, и счастливою ...*), русск. *дородный* ‘полный телом; крупного, плотного сложения’, диал. *дородной* ‘способный, усердный’ и др. (ЭССЯ 1978: 78).

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв. 1977) данное прилагательное имеет в ассерции четыре значения.

В первом значении *дородный* характеризует телосложение человека: Высокого роста и плотного телосложения, красивый, видный (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325). При этом ассертивная сема, характеризующая рост и телосложение, дополняется семой ‘красивый’, ‘видный’, добавляющими к объективной характеристике внешности оценочное значение. Кроме того, приведенные в словарной статье примеры добавляют в пресуппозиционную часть социальную оценку: *Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всеъм к дѣлу ратному* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) – в данном контексте характеристика «дородного» свидетельствует о способности к службе («к дѣлу ратному»). Во втором примере к тому же значению: *А будет королевнина племянница дородна и того великого дѣла [брака с царем] достойна...* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) – характеристика *королевниной племянницы «дородна»* свидетельствует о том, что она достойна *брака с царем*, таким образом в иллюстративном материале (семантической пресуппозиции) также появляется социальная оценка человека.

Возможно, именно социальный компонент, присутствующий в пресуппозиционной части первого ЛСВ, является семантическим источником для второго ЛСВ, характеризующего морально-нравственные качества человека: *Доблестный, мужественный, благородный. Я никогда такихъ дородныхъ и честныхъ людей не видалъ есмь* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325). Такая оценка морально-нравственных качеств человека, безусловно, формируется с позиций общественного мнения, поскольку *мужество, доблесть и благородство* проявляются в общественно значимых деяниях.

Третье значение: *Сильный, могущественный. Великие государства и имя великихъ государей славитца и въ забыть не приходит и разширяетца дородными государи, и благоразумными и разсудными* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325) также может быть мотивировано первым значением. Кроме того, очевиден социальный компонент значения, поскольку и в ассертивной и в пресуппозиционной частях явно ощущается связь с государственными, родовитыми, социально значимыми людьми.

Очевидно, что все ЛСВ содержат положительную характеристику человека, поэтому четвертый ЛСВ «Хороший» (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325), характеризующий действия (*Говориль ..., чтобъ ему дородной славы своей не потерять*), поступки человека (*Он дѣлаетъ дородно, что тебя держитъ у себя*), взаимоотношения с другими людьми (*Дородна сласть, четыре ноги вмѣсто скласть*), тоже позитивно-оценочный.

В этом же словаре приводятся два производных, мотивированных значениями прилагательного *дородный*. В существительном *дородство* первые три значения мотивированы значениями исходного прилагательного, поэтому сохраняют как характеристики телосложения человека, сопровождающиеся социальной оценочностью, так и собственно социальные оценки человека, но в четвертом ЛСВ у существительного *дородство* появляется новое значение «Достоинство, значимость», которое указывает на вес человека в обществе: *Бояр же и вельмож и всѣх воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоит по отчеству и по дородству* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 325).

Кроме того, качество *дородного* связано с глаголом *дородити* — с я, в семантике которого в первом ЛСВ актуализируется социальный компонент значения: Сравняться с кем-либо достоинствами или благородным происхождением. *Хотя б мы людеи не дородились да были бы мы богатыри недобрыя* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) — социальное положение, происхождение; во втором — Иметь хорошие природные данные. *А умом он и ростом дародился* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) — положительная оценка внешних данных; в третьем — Обладать необходимыми для чего-л. способностями. *А воевод государь прибирает, разсуждая их отчество, и хто того дородится, хто может ратной обычаи содержать* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977: 324) — положительная оценка способностей к какой-либо деятельности.

Таким образом, лексико-семантические связи прилагательного *дородный* и его производных в СРЯ XI–XVII вв. в большей мере связаны с социальностью человека, нежели с объективной характеристикой его телосложения, и даже семы ‘красивый’, ‘видный’, ‘хорошие природные данные’ добавляют значение внешней оценки. При этом, видимо, *дородный* человек, живший в XI–XVII веках, априори наделялся высокими морально-нравственными качествами и, соответственно, способностью к проявлению мужества, благородства и других подобных качеств.

В «Словаре русского языка XVIII вв.» (СлРЯ XVIII вв. 1981) прилагательные *дородный* и *дородливый* имеют значение «рослый и полный (о человеке): *Евстафии быв человек дюжи и дородныи, нападе на Иванчу [Пантелей:] Дѣвица изрядная, и собою добра; великая, дородная, и как кровь с молоком. Жирный, дородливый*» (СлРЯ XVIII вв. 1981: 221). Лексеммы утрачивают социальный компонент, сохраняя отношение к человеку и его частям тела с позитивной окраской. Данные прилагательные мотивируют образование производных существительных *дорóдность* и *дорóдливость*, глаголов *дорóднѣть* и *дорóдничать* с общей семантикой характеристики телесного, например: *⟨Мясники и повара⟩ почти всегда до излишества дорóднѣют и толстѣют* (СлРЯ XVIII вв. 1981: 221).

Утрата социального компонента значения прилагательного *дородный* и его производных наблюдается и в других лексикографических источниках, например, в словаре Григория Дьяченко (Дьяченко 1900: 151), в толковом

словаре живого великорусского языка В. И. Даля 1880–1882 годов (Даль 1978: 474).

В словарях русского языка, изданных в XX веке, наблюдается та же тенденция к сохранению одного значения прилагательного *дородный*, связанного с качеством телесного. Если унифицировать данное значение по материалам современных словарей (БТСРЯ 1998; Ушаков 1935; Ожегов – Шведова 2003; СлРЯ 1999 и др.), то ассертивную часть значения *дородного* можно представить так: *рослый, крупный, полный человек*, – то есть исключительно как объективную характеристику телосложения человека. Однако в контекстах к словарной статье (которые мы рассматриваем как пресуппозиционную часть значения) можно выделить социальный компонент, отсутствующий в ассертивной зоне, поскольку сочетаемость данного прилагательного в примерах связана преимущественно с социальным статусом или иной социальной характеристикой человека: *Дородный широкоплечий боярин. Купец отличался статью и дородностью* (Ушаков 1935: 775).

В словарях современного русского языка непроизводное прилагательное *дородный* образует только два деривата: *дородность*: Свойство по значению прилагательного *дородный*; *дородство* (СлРЯ 1999, 1: 433) и *дородство*, которое в первом значении представлено как параметрическая характеристика «плотное и крупное телосложение; полнота», а во втором как «устар. Доблесть, мужество» (СлРЯ 1999, 1: 433).

Таким образом, только в одном значении (устаревшем) сохраняется связь с морально-нравственной характеристикой человека, в остальных – признак в ассертивной зоне связан только с качеством телесного. Однако в контексте актуализируются новые оценочные и социальные компоненты, что свидетельствует о важности анализа пресуппозиционной части значения слова для полного представления о единице номинации.

2 ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОРОДНОМ В ТРАДИЦИОННОМ КРЕСТЬЯНСКОМ СОЦИУМЕ

В обыденном сознании параметрические характеристики внешности человека являются основанием для прагматических и эстетических оценок (см. об этом: Богуславский 1994; Мазалова 2001; Кабакова 2001; 2012 и др.). Ниже на материалах диалектных словарей рассмотрим, как оценивается *дородный* человек в традиционном крестьянском социуме.

В «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 1972) в значении прилагательного *дородный* только первые два ЛСВ связаны с характеристикой человека: первый – внешности: Хороший, красивый, видный. *Не коря, я покорила, не склоняя, я поклонилась перед дородным добрым молодцем* (СРНГ 1972: 134); второй – внутренних качеств: Способный, усердный. *И рожей-то больно баска, да и к робенью дородна* (СРНГ 1972: 134). При этом

в ассертивной части первого значения нет сем, связанных непосредственно с телосложением человека, а только с общим впечатлением, которое он производит, хотя, исходя из контекста, можно предположить, что «дородным добрым молодцем» называют человека крепкого телосложения, то есть потенциальные семы находятся в пресуппозиции.

В этом же словаре представлена лексема **дородний**: Дородный, красивый, видный, мужественный. *Есть ли удалый дородний добрый молодец, сослужил бы мне службу великую сходить во славу золоту орду?* (СРНГ 1972: 133). Она дублирует семы первого ЛСВ слова *дородный* и включает новую сему в ассертивной части «мужественный», которая выводит значение на новый уровень социально-психологической характеристики человека.

Сема характеристики телосложения появляется в номинациях человека: **дородень** «Рослый, полный, здоровый мужчина»; **дородничек** «Ласк. Полный, красивый юноша. *Там или, прошли да три молодца да три молодца три дородничка*»; **дородница** «Полная, красивая девушка или женщина. *Да сама дородница, красивая, как намалевана*»; **дородушка** «То же, что дородница. *У нас на улице на широкой-то, у нас дородушка Натальюшка, корогонница Федоровна*» (СРНГ 1972: 133–134).

Производные существительные **дородинство**, **дородствие**, **дородчество** имеют общую и единственную сему ‘дородность’, которая, судя по контексту (в словаре лексемы «дородность» нет), связана с характеристикой внешности человека: *«Красные то девки ведь стекла рвут, смотрючись да на Чурилкову на красоту, на его ли дороднее дородинство»* (СРНГ 1972: 133).

Интересно, что СРНГ дает определения и контексты из речи людей XIX – начала XX века, и в значениях есть сема ‘мужественность’, которая утрачивается во многих репрезентациях слова в более поздних словарях, фиксирующих преимущественно словоупотребления людей середины XX века. Например, в «Словаре говоров Русского Севера» (СГРС 2005), основанного на материалах, собранных в 1961–2000 годах, представлены прилагательные *дородный* и *дородний*, которые включают семы ‘здоровый’, ‘сильный’, ‘физически крепкий’, напрямую не характеризующие телосложение человека, но подразумевающие крепкое телосложение, при этом данные семы и контексты связывают характеристики здоровья и физической силы со способностью к работе: *Чё, Наталья-то дородна, не болеет ичас? Дородние люди так на чунках картошку возят, а мы так таскаем* (СГРС 2005, 3: 256), а не со способностью к сильным нравственным поступкам.

Приведем еще несколько примеров. В «Словаре Вологодских говоров» (СВГ 1985) **дородный** в первом значении «Хороший, красивый, видный. *Жёних-то у моей доцки шибко дородной*» (СВГ 1985, 3: 48) характеризует внешность человека (‘красивый, видный’) и его общую оценку (‘хороший’), остальные ЛСВ не связаны с характеристикой человека. «Словарь Архангельских говоров» (АОС 2004) дает 10 ЛСВ прилагательного **дородной**, из

них 2 ЛСВ «Здоровый, полный сил, крепкий», 3 ЛСВ «Упитанный, полный, плотный», 5 ЛСВ «Большой по размерам, крупный. [...] О человеке, животных, предметах» и 9 ЛСВ «Красивый, привлекательный», а также фразеологизм *дородная обакша* «О толстом человеке. *Которой толстомордой, о, говоряд, дородна обакша!*» (АОС 2004: 42) так или иначе связаны с характеристикой внешности человека; здесь появляются ЛСВ, характеризующие социальное положение «6. Богатый, хорошо обеспеченный» и психологические особенности «10. Независимый, самодостаточный» (АОС 2004: 42).

Таким образом, анализ репрезентаций характеристики дородного человека в диалектных словарях показал, что, во-первых, слово представлено в разных говорах, что свидетельствует о важности номинации данной характеристики; во-вторых, слово мотивирует образование производных существительных, называющих человека по признаку телосложения; в-третьих, в большинстве номинаций качество дородного связано с семами красоты, внешней привлекательности, которые содержатся в ассертивной зоне значения, следовательно, носитель такой характеристики положительно оценивается в обществе, и лишь в некоторых случаях очевидно восприятие дородного как толстого, не очень приятного человека; в-четвертых, наблюдается снижение значимости социального компонента значения, связывающего семьи 'полноты', 'красоты' с 'мужественностью' мужчины. В данной работе мы ограничились анализом словарных материалов. Безусловно, интересно исследовать представления о дородном на материале более широкого круга источников, например, образцы его употребления в фольклорных текстах (поговорках, заговорах, частушках и др.), что представляется перспективой исследования, касающейся также вопросов актуализации социального в других характеристиках внешнего облика человека.

3 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОРОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Выше была описана репрезентация прилагательного дородный и его производных в лексикографических источниках, фиксирующих данную номинацию в период с XI по XX века в литературном языке и народных говорах. В следующей части работы мы рассмотрим примеры употребления этого слова и его производных, извлеченных из литературного, диалектного и газетного дискурсов, в разные периоды их бытования в соотношении со значениями, представленными в лексикографических источниках. Таким образом мы определим, изменяется ли представление о дородном человеке на протяжении времени.

Как было показано выше, в период с XI по XVII век дородный человек представлялся как человек *высокого роста, плотного телосложения, красивый, мужественный и благородный*, при этом очевидно, что дородность в части оценки внешнего вида априори воспринималась поло-

жительно и предполагала связь с довольно высоким статусом, человека, преимущественно мужчины. Об этом свидетельствует не только компонентный анализ семантики слова, но и изучение его контекстного окружения, например: «Царь его пожаловал ... для того, что собою дородень и просуж всёмъ к дѣлу ратному»; «Дородство и храбрость Московскихъ ратныхъ людей» и т. д.

В словарях, отражающих факты языка XVIII–XIX веков, представления о дородном человеке изменяются: сохраняются семы ‘рослый’, ‘полный’, ‘здоровый’ и т. п., сопровождающиеся семы с положительной коннотацией ‘красивый’, ‘видный’, но утрачиваются семы ‘мужество’, ‘благородство’, связывающие внешний вид человека с его нравственными качествами и общественным статусом, о чем свидетельствуют и контексты в словарных статьях, например: «Дородствомъ бы взять, да рыломъ не вышель (здоровь, да некрасивъ)»; «человѣк дюжиш и дородниш» и т. д.

Анализ поэтического дискурса этого периода в целом подтвердил актуализацию семантики, связанной с характеристикой телосложения человека, причем как мужчины, так и женщины в равной мере, что раньше проявлялось реже, качеством дородного наделялся, как правило, мужчина. Например: «Не слон перед людьми ступает горделиво – валит по улице **дородный Митрофан**» (НКРЯ: Е. Милькеев, Рекрут, 1842); «Мать **дородная** в шубейке Важно в розвальнях сидит, Дочка рядом, в душегрейке, Слово маков цвет горит» (НКРЯ: П. Вяземский, Масленица на чужой стороне, 1853) и т. д. Таким образом, в анализируемых поэтических контекстах актуализировалась ассертивная семантика телосложения. Интересно, что в половине примеров прозаического дискурса этого периода в контекстах также актуализируется семантика характеристики телосложения, однако преимущественно мужчины: только 4 вхождения из 39 связаны с характеристикой женщины, остальные – с характеристикой мужчин, например: «Детина такой ражий, **дородный** ... что вы, молодцы!» (НКРЯ: М. Н. Загоскин, Русские в начале восемнадцатого столетия, 1848) и т. д.

Однако анализ поэтических и прозаических контекстов показал, что в ряде случаев семантика телесного актуализируется в связи с указанием на социальный статус человека, главным образом мужчины (в прозе – только мужчины), например: «Купец **дородный** с важною походкой ...» (НКРЯ: И. Никитин, Тарас, 1855–1860); «Дней давно минувших знатные вельможи – Полны и **дородны**, жир сквозит под кожей» (НКРЯ: А. Майков, Старый хлам, 1856). Особенно активно социальный компонент актуализируется в прозе: из 39 контекстов в НКРЯ прилагательное д о р о д н ы й употребляется в 26 по отношению к мужчине, имеющему определенный статус (полковник, князь, боярин, чиновник и т. п.), например: «Консул – это был высокий, **дородный**, смуглый мужчина с большими черными усами – лежал на лавке на войлоке, склонив голову на связку травы и держа в руках претолстую тетрадь» (НКРЯ: В. Нарезный, Бурсак, 1822) и т. д. В большин-

стве проанализированных примеров сохраняется общая оценка дородного человека как *важного, значительного*: «*Наш государь, знаете, молодец собой, такой красивый, высокий, дородный, да и одет-то уж как ...*» (НКРЯ: Н. Полевой, Рассказы русского солдата, 1834) и т. д.

В поэтическом дискурсе XX века сохраняется тенденция к актуализации телесной семантики с ее положительной оценкой при употреблении характеристики *дородный* в отношении как мужчин, так и женщин, например: «*Пятеро больших, дородных Ходят чинно, благородно. Пять гармоник на плечах, Как цветы на киртичах!*» (НКРЯ: А. Прокофьев, Проводы в Красную армию, 1933); «*Бабуся моя, Как молодой была, Дородной была*» (НКРЯ: В. Хлебников, Старуха снова пришла, но другая ..., 1921) и т. д.

Однако в прозаическом дискурсе прилагательное *дородный* показывает сочетаемость с номинацией мужчин в 82 % контекстов. НКРЯ фиксирует 111 вхождений прилагательного *дородный* в основной корпус (литературная проза XX–XXI веков), из них 5 контекстов не связаны с характеристикой человека, 4 – связаны с характеристикой телосложения женщины, при этом актуализируются семы ‘полный’, ‘крепкий’: «*Установилась наконец полная тишина, вроде даже слышно стало, как в скирде осыпаются зёрна с колосьев и под дородным телом Любы, ломаясь, хрустит солома*» (НКРЯ: В. Астафьев, Обертон, 1995–1996) и др.

Остальные 102 вхождения показывают сочетаемость с номинацией мужчин. 20 из них характеризуют мужчину

- либо безотносительно к возрасту: «*Второв с удовлетворением увидел, как покрывается потом дородный Солодов*» (НКРЯ: С. Данилюк, Рублевая зона, 2004) и т. д.;
- либо в отношении немолодых или молодых (редко) мужчин: «*Сидевший рядом с нею дородный старик в тренировочном костюме ...*» (НКРЯ: А. Кабаков, Салон красоты, 1987) и т. д.

Большая часть вхождений (82) показывают связь характеристики *дородный* с указанием на социальный статус мужчины или национальность, в большинстве контекстов актуализируются семы ‘полный, крепкий + видный, значимый’, например: «*Нарком вышел ко мне в пижаме, дородный такой*» (НКРЯ: Б. Холопов, Старицкие прелюды, 1999) и др.

Таким образом, анализ литературных контекстов показывает, что семантика прилагательного *дородный* богаче, нежели отражена в современных словарях, где значения отражают только объективные телесные характеристики. Всестороннее исследование пресуппозиционной зоны значения, в частности прагматической пресуппозиции, добавляет коннотативные компоненты, в том числе социальный, в семантику слова.

Важно отметить, что как в литературно-художественной речи, где *дородный человек* оценивается с точки зрения внешности и социальной

значимости практически всегда положительно, так и в речи представителей традиционного социума, где данная характеристика преимущественно позитивна, за исключением некоторых случаев, когда дородность связывается с неприятной толщиной («*дородная обакша*», «*жсона будед дородна с пива-то*» и др.), большая часть контекстов показывает положительную коннотацию исследуемой телесной характеристики.

Иную коннотацию характеристики дородного человека выявляет современный публицистический (газетный) дискурс начала XXI века. НКРЯ фиксирует 122 вхождения, из них 98 вхождений связаны с характеристикой внешности человека. Анализ контекстов показал, что можно выделить несколько видов сочетаемости прилагательного и его производных со значением характеристики телосложения человека:

- [1] характеристика телосложения молодого человека – 6 контекстов;
- [2] характеристика телосложения немолодого человека – 13 контекстов;
- [3] характеристика телосложения девушки – 8 контекстов;
- [4] характеристика телосложения немолодой женщины – 24 контекста;
- [5] характеристика телосложения с указанием на социальный статус, национальность и другие социальные характеристики – 47 контекстов.

Как показывает анализ выборки, почти половина контекстов (47,9 %) так или иначе включает социальную коннотацию, а не просто телесную характеристику, например: – *Да вы радуйтесь, что к вам никого не подслелили!* – улыбнулась мне **дородная** проводница (НКРЯ: А. Мешков, Как я жил в цыганском таборе // Комсомольская правда, 2011.09.01); *На полуразрушенном рынке среди обугленных палаток **дородные** узбечки настойчиво предлагают* одеяла (НКРЯ: Головы надо прибирать, а не дома // Известия, 2006.09.13) и др. Кроме того, характеристика дородного включается в значительное количество контекстов с ироничной или даже саркастичной окраской: – *А я уже замужем!* – восклицает **дородная тетка**, торговка пирожками. – *За любимым человеком!* – уточняю я. – *За олигархом!* (НКРЯ: А. Мешков, Эй, Дед Мороз: ну-тка, кто поздравит проститутку? // Комсомольская правда, 2001.12.26) и т. д. Часть вхождений показывает сочетаемость с лексемами, имеющими просторечную окраску, *тетка*, *дядька*, *мужик*, *баба* и т. п.: *На оборудованные же для СМИ места проходили **дородные дядьки** с упакованными в меха и бриллианты женами и упитанными чадами* (НКРЯ: П. Садков и др., Обыграли генацвале, но в Европу не попали // Комсомольская правда, 2003.10.13) и т. д.

Итак, в газетном контексте по сравнению с литературно-художественным и диалектным происходят коннотативные изменения с сторону социальной оценочности с оттенком негативности, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что значение телесного, зафиксированное в современных словарях в ассертивной зоне значения исследуемой лексемы, недостаточно для объективного представления о характеристике дородного человека.

4 ВЫВОДЫ

Исследование показало, что в разные периоды истории в ассертивной зоне значения слова могут актуализироваться семы, которые по-разному репрезентируются в зависимости от дискурса. Кроме того, использование слова в разные периоды истории в различных дискурсах показывает актуализацию пресуппозиционных сем, которые в контекстах могут становиться доминирующими. Такое положение может затруднять понимание слова как носителями языка, так и иностранцами, изучающими русский язык.

Возможности традиционного лексикографирования ограничены объемом информации, которую способны вместить изданные типографским способом словари разных типов. В связи с этим словарные статьи включают преимущественно ассертивную часть значения и ограниченно пресуппозиционную. В результате зачастую словарная статья не дает полного представления о той или иной лексеме и ее репрезентации в разных дискурсах (чаще всего в качестве примеров приводятся литературные контексты, а газетный, устный, диалектный и др. остаются не охваченными). Современные информационные технологии позволяют создавать лексикографические источники разных типов, вмещающие практически неограниченный объем сведений. В связи с этим требуется разработка новых подходов к электронному лексикографированию. В частности, словарная статья электронного толкового словаря может включать сведения о происхождении слова, истории его употребления в разные периоды, репрезентации в различных дискурсах (литературном в разные периоды, газетном, а также недостаточно известных широкому кругу носителей языка диалектном, фольклорном и т. п.) и таким образом представлять исчерпывающую информацию о бытовании слова со времени его появления до настоящего времени, что может быть полезно как для носителей языка, так и для иностранцев, изучающих русский язык, а также будет полезно для исследователей, поскольку даст возможность получать саккумулированную в одном месте информацию о лексике русского языка.

ИСТОЧНИКИ

АОС 2004 = *Архангельский областной словарь 12*, под ред. О. Г. Гецово́й, Москва: Изд-во Московского университета; Наука, 2004.

БТСРЯ 1998 = С. А. Кузнецов, *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург: НОРИНТ, 1998 (<http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=дородный&all=x>).

Даль 1978 = В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах I*, Москва: Русский язык, 1978.

Дьяченко 1900 = Г. Дьяченко, *Полный церковно-славянский словарь со внесением въ него важнейших древне-русских словъ и выражений XXXVIII (2)*, Москва: Типография Вильде, 1900.

НКРЯ = *Национальный корпус русского языка* (www.ruscorpora.ru).

Ожегов – Шведова 2003 = С. И. Ожегов – Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003.

- СВГ 1985** = *Словарь вологодских говоров 3*, Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1985.
- СГРС 2005** = *Словарь говоров Русского Севера III*, под ред. А. К. Матвеева, Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.
- СлРЯ XI–XVII вв. 1977** = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* 4, гл. ред. С. Г. Бархударов и др., Москва: Наука, 1977.
- СлРЯ XVIII вв. 1981** = *Словаре русского языка XVIII века 6: Грызться – Древный*, гл. ред. С. Г. Бархударов и др., Ленинград: Наука, 1981.
- СлРЯ 1999** = *Словарь русского языка: в 4 томах*, под ред. А. П. Евгеньевой, Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/05/ma143307.htm>).
- СРНГ 1972** = *Словарь русских народных говоров 7*, гл. ред. Ф. П. Филин – Ф. П. Сороколетов – С. А. Мызников, Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1972.
- СЦСРЯ 1847** = *Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 томах 1*, Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1847.
- ЭССЯ 1978** = *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд, в 35 томах 5*, под ред. О. Н. Трубачев, Москва: Наука, 1978.
- Ушаков 1935** = Г. О. Винокур, *Толковый словарь русского языка: в 4 томах 1: А–Кюрины*, под ред. Д. Н. Ушакова, Москва: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ, 1935 (<http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/05/us177506.htm>).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1988** = Ю. Д. Апресян, Типы коммуникативной информации для толкового словаря, в: *Язык: система и функционирование*, Москва: [б. и.], 1988, 10–22 (<http://philology.ru/linguistics2/apresyan-88.htm>).
- Богуславский 1994** = В. М. Богуславский, *Словарь оценок внешности человека*, Москва: Космополис, 1994.
- Кабакова 2001** = Г. И. Кабакова, *Антропология женского тела в славянской традиции*, Москва: Ладомир, 2001.
- Кабакова 2012** = Г. И. Кабакова, Тело, в: *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 томах 5*, под ред. Н. И. Толстого, Москва: Международные отношения, 2012, 247–262.
- Крысин 1988** = Л. П. Крысин, Социальный компонент в семантике языковых единиц, в: *Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка*, Москва: [б. и.], 1988, 124–143.
- Леонтьева 2016** = Т. В. Леонтьева, Мотивационно-семантическое поле как совокупность языковых единиц с общим абстрактным смысловым компонентом-интерпретативом, *Научный диалог* 49 (2016), № 1, 43–58.
- Логический ... 2009** = *Логический анализ языка: ассерция и негация*, отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Москва: Индрик, 2009.
- Мазалова 2001** = Н. Е. Мазалова, *Человек в традиционных соматических представлениях русских*, Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2001.
- Маклакова 2013** = Е. А. Маклакова, *Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименования лиц русского и английского языков): диссертация доктора филологических наук*, Воронеж, 2013.
- Падучева 2013** = Е. В. Падучева, *Русское отрицательное предложение*, Москва: Языки славянской культуры, 2013.
- Скляревская 2001** = Г. Н. Скляревская, Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы, *Исследования по славянским языкам* (Сеул) 6 (2001), 177–202.
- Стернин 1985** = И. А. Стернин, *Лексическое значение слова в речи*, Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

POVZETEK

Od dorodnyj dobryj molodec do dorodnaja tetka: sociokulturno preoblikovanje pomena v ruščini

Podatki v razlagalnih slovarjih ne dajejo dovolj informacij o pomenu nekaterih besed, ki so prikazane v sobesedilu in z dodatnimi odtenki, vključno z vrednotenjem. Analiza parametričnega pridevnika *dorodnyj* 'debel, močan' kaže, da je sčasoma prišlo do sociokulturnega preoblikovanja pomena v različnih diskurzih, vendar pa so te informacije razpršene po različnih slovarjih. Tako ni mogoče imeti celostnega pogleda na pomenskost besede v diahroniji. Študija poudarja važnost razvoja novih pristopov k slovarskemu opisu jezikovnih dejstev. Sodobne informacijske tehnologije omogočajo oblikovanje novih elektronskih slovaropisnih virov. Geslo v elektronskem slovarju lahko vsebuje zanesljive informacije o izvoru besede, o zgodovini njene rabe v različnih obdobjih in o njeni zastopanosti v različnih diskurzih, torej od njene pojavitve do sedanjosti.